

АЛЛА ОСИПЕНКО:

«ТЕПЕРЬ Я СПОКОЙНО ЧИТАЮ ДЕТЕКТИВЫ...»

ИСПОКОН насмешники человечества подтрунивали над... балетом: «Балет — зрелище, рассчитанное более на любострастное, чем на эстетическое наслаждение. Сверх того, зрелище это, узким объемом своих средств и вытекающим отсюда однообразием, вскоре становится крайне скучным и тем способствует истощению терпения», — заходил в скептическом раже Шопенгауэр. Свел счеты с балетом в «Войне и мире» Лев Толстой...

Но балет, как и поэзия, оказался «пресвoločнейшей штуковиной» — и продолжал существовать, изумлять, восторгать, рождать новых гениев и старых, как мир, поклонников.

В Москву прибыла легенда русского балета, замечательная драматическая актриса АЛЛА ОСИПЕНКО. В шестидесятые годы она не покинула родину, подобно своим близким друзьям Рудольфу Нуриеву и Наталье Макаровой, а просто ушла из Кировского театра, где была приемой. Для нее Юрий Григорович ставил прокофьевский «Каменный цветок», где она танцевала Хозяйку Медной горы. Ее Мехменэ Бану («Легенда о любви»), Одетта-Одиллия, фея Сирени («Спящая красавица») стали эталонным исполнением, точкой отсчета.

Кн. обозрение — 1995. — 19 дек. — с. 5

Уже в самом начале выяснилось, что в США, где Алла Осипенко преподает в Хартфордской балетной школе, она проживает напротив дома Марка Твена...

— В самом деле, я живу напротив дома Марка Твена, дома Бичер-Стоу... Поэтому ко мне вернулись и хижина дяди Тома, и приключения Гекльберри Финна... Я все время сейчас как бы нахожусь в своем детстве. Это — в двух часах езды от Нью-Йорка. Красивый, небольшой городок — столица Коннектикута. Новая Англия — очень красивое и спокойное место. Я довольна, что там сейчас... Я тоже люблю осень... Боже, в Новой Англии т а к а я замечательная осень! Красивее, чем здесь. Там есть какой-то канадский клен и вообще там много деревьев. Такой колорит!

Как я ни люблю осень в нашей средней полосе, и то была сражена наповал. Огромное, огромное количество зелени, огромные про-

сторы — просторнее, чем Россия.

— Просторнее, чем Россия?

— И необыкновенной красоты! Господи, сейчас все деревья уже опали, но только на земле — листья. Я вообще очень люблю смотреть на деревья, потому что когда-то в своей жизни прочла у О.Генри одну новеллу: у молодого художника умирала жена, у нее был туберкулез. Ей сказали, что, пока не упадет последний лист — она будет жить. Женщина все время проводила перед окном, где росло это дерево, а ее муж — когда на нем не осталось ни одного листа, — пока жена спала, нарисовал листья и привесил их к веткам. И его жена — выздоровела!

— Какая книга произвела на вас в жизни наибольшее впечатление?

— Сложно ответить на такой вопрос. Я очень рано начала читать — именно те книги, которые, скажем, в 12 лет не позво-

Она первая поддержала поиски Леонида Якобсона, у которого «сидела» — после благополучной карьеры в Кировке — на семидесяти рублях. У начинающих и гоимых Игоря Чернышева и Бориса Эйфмана Алла Осипенко стала ведущей исполнительницей современного репертуара. Вместе с ней Марис Лиепа станцевал свою лучшую (наряду с Крассом) партию жизни: Парфена Рогожина в «Идиоте». Балерина искала себя в кино — и снялась в «Скорбном бесчувствии» у А.Сокурова, «Фуэте» Владимира Васильева, «Голосе» Ильи Авербаха... Ею воспитана целая смена нынешних звезд Мариинки; в Гранд-Опера она работала с Нуриевым. Кстати, нынешней зимой на вечере памяти танцора в Торонто исполнила танц-пьесу «Вера... Надежда... Любовь... Алла». Затем преподавала в частной балетной школе Флоренции. Здесь же, в Италии, специально для нее балетмейстер Дж. Паулуцци поставил балет «Франческа да Римини»...

В Москву Алла Осипенко приехала на презентацию книги Ксении Маршанской «Сон Пьеро», одной из героинь которой она стала.

Встреча корреспондентов «КО» с балериной была недолгой.

ботать с Борисом Эйфманом. Хореограф Эйфман — это человек, который вытягивает из тебя абсолютно все. После его спектакля ты опустошаешься. Вот и Достоевский произвел на меня такое же впечатление: стал вытягивать из меня какие-то душевные запасы. Мне это, видимо, самой было свойственно. Поэтому книга попала в самую точку.

— Что вы читаете сейчас?

— Пока я жила в Италии, я имела возможность получать из книг все: рядом со мной жила моя 90-летняя подруга. Пристрастилась к мемуарной литературе, стала ее перечитывать, поскольку сама начала несколько лет назад писать воспоминания (впрочем, никак не могу их закончить!).

А в Америке мне так стало хорошо, что я ничего не читала кроме детективов. Это мне тоже очень понравилось. Славно!

Вы знаете, можно ни о чем не думать, не вдумываться, не впадать ни в какие трагедии. Теперь я спокойно читаю детективы.

— На какой стадии ваша работа над воспоминаниями?

— Написала две главы. Не могу сказать, что работаете тяжело: просто я пишу, как говорю. Потом наступит черед редактора: отредактируют. А я пишу и вспоминаю какие-то жизненные ситуации. Надо бы спешить, потому что две главы у меня уже забрали. А мне еще надо многое успеть написать.

— Предполагаемое название книги?

— Первоначальное название — «Париж в моей жизни»: я много раз была в Париже. Всякий раз по-разному. Париж...

Впервые приехала в 1956 году — с театром им. Станиславского и Немировича-Данченко — совсем еще юной. Танцевала в Гранд-Опера. Потом там же преподавала. Последний раз была три года тому назад, когда мне делали операцию. Сами по-

нимаете, такой диапазон — «Париж в моей жизни»...

— Какую книгу вы бы порекомендовали прочитать всем россиянам?

— Нам всем бы было полезно прочитать «Войну и мир» — для того, чтобы не учить Толстого по кинофильмам. А то получается: посмотрел фильм — и уже решил, что прочел Толстого.

Вот это надо бы прочесть обязательно всем. Это, мне кажется, самое глубокое, что потеряно в нашей жизни. Очень многие сейчас знают литературу по кино или телеэкрану, по спектаклям... Мы росли без телевизора, поэтому и выросли на чтине.

Я сажала своих бабушек вечерами и приучала их к Маяковскому (был такой период, когда я увлеклась им). Или читала вслух «Три товарища» Ремарка — и мы все вместе плакали: две бабушки и я.

Что можно посоветовать? Читать настоящую литературу!

Беседовали
Александр ЩУПЛОВ
и Денис ЧУКЧЕЕВ.
Рис. Сергея ГРУЗДЕВА.